

ЗАВЕРЕНИЯ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В статье анализируется относительно новый институт гражданского права – заверения об обстоятельствах. Автор анализирует основные значимые вопросы, в частности, правовая природа института и возможные меры ответственности в связи с недостоверностью заверений.

Ключевые слова: заверения об обстоятельствах, правовая природа, ответственность за недостоверность заверений.

В настоящий момент Россия стоит на пути великих перемен во всех сферах общества, что в равной мере относится к российскому законодательству в целом. Среди этих перемен необходимо обратить внимание на реформирование гражданского права, в ходе которого были внедрены особые институты, в частности заверения об обстоятельствах. Представляется, что указанные нововведения крайне положительно повлияют на гражданский оборот, обеспечат устойчивое положение субъектов гражданско-правовых отношений.

Несмотря на то, что заверения берут свое начало в правовых системах стран общего права, в правоприменительной практике России они все же имели место, мимикрируя под различные правовые концепции. Заверения выступали в роли положений о качестве товара, дополнительных условий договора, которые стороны признавали существенными, их нарушение также пытались подвести под обман или заблуждение и т. п.

В ст. 431. 2 ГК РФ [1] заверения определяются через обстоятельства, т.е. заверения могут даваться о любых обстоятельствах, имеющих значение для заключения, исполнения или прекращения договора. Полагаем, что это не совсем удачная формулировка, поскольку вне соответствующего контекста довольно трудно понять ее главную цель, и велика вероятность более широкого ее толкования. Представляется необходимым, дополнить определение путем указания на цели или функции заверений. Вполне положительно следует оценить примеры обстоятельств указанные законодателем при устранении вышеуказанного недостатка.

Правовая природа российских заверений об обстоятельствах крайне непонятна. Вряд ли их можно считать обязательством, ведь они не коем образом не соответствуют определению обязательств, закрепленному в ст. 307 ГК РФ. Сама формулировка «заверения об обстоятельствах» говорит не об обязанности совершить определенное действие или воздержаться от него, а ведет речь о констатации, фиксировании определенных фактов, обстоятельств. Однако все же существуют сторонники другой точки зрения, но их аргументация больше

* Андреева Марьяна Александровна – студент, кафедра предпринимательского и финансового права, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: Hamptons8@yandex.ru.

сводится к сходству последствий нарушения и заверений, и обязательств, что, однако, не может признаваться главным основанием тождественности указанных институтов, поскольку не затрагивает их сути, цели.

Представляется целесообразным правовой доктрине отстраниться от презумпции «договора как совокупность только взаимных обязательств», т.к. это мешает понять суть и функции заверений. Ведь, если заверения не являются обязательствами, то к ним неприменим блок норм об обязательствах, и практикующие юристы столкнутся с нехваткой правовой базы регулирования соответствующих отношений, что вызовет ряд негативных последствий.

Существует и иной подход определения правовой природы заверений. При его рассмотрении необходимо обратиться к нормам о договоре страхования, а точнее ст. 944 ГК РФ. Страхователь обязан сообщить страховщику об обстоятельствах, имеющих существенное значение для установления страхового риска, если они не известны последнему. Здесь также имеет место суждение об обстоятельстве, однако оно существует независимо от обязательства страхователя сообщать страховщику определенные сведения, т.е. составляет его часть, элемент. Из этого следует, что между сторонами договора есть взаимные обязательства, которые состоят из нескольких элементов, один из которых – предоставление достоверного заверения. Однако такой подход приведет к усложнению понимания обязательств, формированию весьма затруднительного процесса правового регулирования, двойственности регламентации обязательства и его элементов.

В юридической литературе также существует мнение о том, что заверения носят деликтный характер, однако такое определение юридической природы представляется неприемлемым для российских реалий в силу устоявшейся модели деликта.

Несмотря на это, стоит признать, что без введения специальной нормы привлечение к ответственности за ложные заверения, это возможно было бы реализовать на основании правил о деликтной ответственности. Однако лишь в случае признания российским законодательством по аналогии с английским правом возможности взыскания так называемых чистых экономических убытков (*pure economic loss*) в рамках деликтного права. Под чистыми экономическими убытками следует понимать убытки, понесенные добросовестной стороной непосредственно в виде соответствующих финансовых потерь в результате поведения делинквента, в отличие от классического понимания обычных убытков, так крепко закрепившегося в сознании российского юриста, которые возникают в результате первичного причинения вреда личности (ее здоровью или жизни) или имуществу потерпевшего. Таким образом, следовало бы расширить толкование ст. 1064 ГК РФ, что позволило бы рассматривать в качестве объективной стороны правонарушения (деликта) предоставление недостоверной информации, которое и послужило причиной возникновения у потерпевшего определенных финансовых потерь. «В целом разработка проблематики чистых экономических убытков могла бы подтолкнуть наше право к расширению охвата нормы гл. 59 ГК, и тогда предоставление ложных заверений могло бы спокойно караться на основании нормы деликтной ответственности. Но законода-

тель решил ввести специальные нормы об ответственности за предоставление ложной информации и не полагаться на эту туманную перспективу расширения охвата норм о деликте. «Туманную потому, что какой-либо научной активности в вопросах деликтного права в России не наблюдается уже достаточно давно, а вопрос о легализации доктрины чистых экономических убытков является слишком сложным и глобальным, чтобы решать его между делом в рамках реализации столь узкой задачи, как институционализация договорных заверений в российском праве» [3, с. 46].

Существует мнение о том, что предоставление заверений стоит воспринимать как своего рода самостоятельную сделку. Основной аргумент заключается в следующем. При предоставлении ложного заверения, т.е. нарушении сделки, возмещаются убытки, а в некоторых случаях происходит расторжение договора, при этом взыскание убытков не зависит от действительности заключаемого договора [4, с. 93]. Представляется, что заверение об обстоятельствах довольно проблематично и безосновательно называть сделкой, поскольку оно не является действием, устанавливающим, изменяющим или прекращающим гражданские права и обязанности в соответствии со ст. 153 ГК РФ. Помимо этого, сделка все же является правомерным действием, а предоставление ложного заверения отнюдь таким не является. К тому же проблематично применять к заверениям положения о недействительности сделок.

Некоторые правоведы утверждают, что заверения об обстоятельствах – это разновидность юридически значимых заявлений как особой формы волеизъявления участников гражданско-правовых отношений. При этом под юридически значимыми заявлениями подразумеваются и несущие исключительно информационную составляющую, которые предоставляют сведения о состоявшемся факте (к примеру, извещение должника о произведенной цессии), а также выполняющие функции запросы или оферты и т.п. В целом такие заявления относятся к классу особых юридических фактов, а точнее юридических действий, т.к. характеризуются вербальной или литеральной активностью. Однако, сторонники данной точки зрения признают, что заверения об обязательствах хоть и являются юридически значимым заявлением, но все же представляет собой особую правовую конструкцию, состоящую из двух элементов: информационного и санкции [5, с. 65]. Кроме того, признается другая специфичность – связь с договором как гражданско-правовым явлением, которая выражается, во-первых, в форме «выдачи» заверения - договор, хотя, если оно предоставляется после заключения договора и указано в дополнительном соглашении, оно все равно остается связанным с ним; во-вторых, в информировании об обстоятельствах, касающихся заключения, исполнения или прекращения договора.

Полагаем, что целесообразнее и практичнее признать заверения об обязательствах отдельным особым правовым механизмом. Безосновательно, полагать, что если заверение – это не обязательство, то к нему не применимы положения о последних. Было бы глупо придерживаться такой позиции, ведь всегда с учетом сущности института можно указать, что те или иные нормы об обязательствах применимы к обязанности предоставить достоверные заверения. Кроме того, выделение отдельной правовой конструкции может способствовать

всесторонней объективной разработке, что, на наш взгляд, положительно скажется на договорном праве в целом.

В ходе анализа ст. 431.2 ГК РФ представляется возможным выделить три вида заверений в силу применяемых санкций:

- обычные – те заверения, при недостоверности которых потерпевшая сторона имеет право требовать взыскания убытков или получение предусмотренной договором неустойки;

- заверения, имеющие существенное значение для стороны, полагавшейся на них, недостоверность которых предоставляет потерпевшей не только право на возмещение убытков или получение неустойки, но также и право на отказ от договора, однако лишь в том случае, если иное не предусмотрено соглашением сторон (стоит отметить, что в проекте данное положение сопровождалась п. 3 ст. 450 ГК РФ, однако в окончательную редакцию оно не было включено);

- заверения, при умышленной недостоверности которых у потерпевшей стороны возникает право выбора между отказом от договора и признания договора недействительным при сохраняющемся праве на возмещение убытков и неустойку.

Как мы видим, ст. 431.2 ГК РФ предусматривает возмещение убытков вследствие недостоверности заверений в каждом случае, однако законодатель не указывает, каким образом будет вестись расчет этих сумм. Представляется вполне логичным распространить на заверения принципы взыскания убытков при нарушении обязательств. Следует приветствовать дополнение к ст. 393 ГК РФ, содержание которой указывает на цель взыскания убытков при нарушении обязательств – поместить потерпевшую сторону в положение, в котором она находилась бы, если бы обязательство было исполнено надлежащим образом. Указанный принцип в российском праве будет ограничиваться сложившимся понятием убытков, закрепленных ст. 15 ГК РФ (например, в Англии убытки имеют довольно широкий состав, охватывая любую сумму, приводящую к достижению цели). Однако же будем надеяться, что цель, указанная в ст. 393 ГК РФ станет главным ориентиром в расчете убытков в случае ложности заверений. В этих целях необходимо разрешить вопрос о правовой природе заверений, поскольку по большому счету они не являются обязательствами, а ст. 393 ГК РФ применима лишь к последним.

Законодательное закрепление определения негативного интереса вряд ли бы имело значение для рассматриваемых обстоятельств, поскольку юридическое общество все еще держит в голове единую модель деликта - причинение вреда жизни и здоровью личности или имуществу, и не готово к глобальному переосмыслению существа деликта по отношению к заверениям (такой подход характерен для Великобритании). В связи с чем, вопрос о применении подобного правила остался бы открытым, так же как и вопрос о будущем применении новой дополненной нормы ст. 393 ГК РФ.

Рассматривая вопрос об убытках за ложность заверений, стоит обратить внимание на разграничение убытков, а точнее отсутствия какого-либо критерия разделения убытков, сопутствующих признанию договора недействительным, и убытками, взыскиваемыми по общему правилу. Представляется, что именно ре-

ализация принципа ст. 393 ГК РФ могло бы предусмотреть такую разницу. Следствием этого было указание на то, что в случае признания договора недействительным возмещение убытков было бы направлено на восстановление положения потерпевшей стороны, которое существовало бы до заключения договора. Однако, это вряд ли применимо в настоящих российских реалиях гражданского оборота, в связи с чем остается открытым вопрос о соотношении убытков, предусмотренных ст. 178, 179 и ст. 431.2 ГК РФ. Не совсем понятно, имеет ли истец право выбора основания взыскания убытков или он ограничен санкцией, указанной в п. 3 ст. 431.2 ГК РФ. Во всяком случае, нет сомнений, что взыскание «дважды» убытков неприемлемо.

В рамках заверений применяются следующие квалифицирующие критерии – существенность заверений и умышленное склонение к заключению договора. Первый критерий имеет оценочный характер, кроме того законодатель неким образом не уточняет его, как это имеет место в ст. 475 ГК РФ. Исходя из п. 2 ст. 431.2 ГК РФ, неясно могут ли стороны самостоятельно определять заверения, имеющие существенное значение. Было бы удачнее указать, что только сами стороны вправе самостоятельно определять при нарушении каких заверений предоставляется право на отказ от договора. В силу отсутствия устойчивой судебной практики по указанному вопросу сторонам разумно в обязательном порядке определять, какие заверения они признают существенными, и с какими связывают право на отказ от договора.

Второй критерий – умышленно недостоверное заверение – вполне следует оценить положительно, поскольку соблюдается баланс интересов сторон. Представляется разумным определить градацию ответственности предпринимателей в зависимости от степени вины. Кроме того не ясна формулировка «разумные основания», ведь если заверения содержатся в договоре, то вполне логично предположить, что сторона разумно на них полагается. Конечно, в определенных случаях эта формулировка полезна. Однако как именно определять, полагался ли покупатель на заверения, все еще непонятно. Представляется разумным, чтобы стороны, до законодательного уточнения, отражали в договоре, а точнее прописывали, что одна сторона представляет заверение, а другая на них полагается. Возможно, стороны, руководствуясь принципом свободы договора, вправе самостоятельно определить, что скрывается за разумными основаниями.

Безусловно, изменения от 1 сентября 2013 г. [2], предусматривающие расширение ответственности лица, обманувшего контрагента, – теперь оно обязано возместить не только реальный ущерб, а все убытки жертвы – носят положительный характер. Однако возникает проблема, обманутая сторона желает возместить понесенные убытки в связи с обманом, однако имеет интерес в сохранении договора в силе, т.е. обман не был настолько существенен, чтобы подорвать интерес к сделке в целом. В редакции, действовавшей до 1 июня 2015 г. обманувшая сторона могла рассчитывать на освобождение от возмещения убытков в силу указанного интереса обманутой стороны. Теперь же, мы вправе говорить о неотвратимости наказания обманщика за убытки, причиненные в результате обмана даже в случае аннулирования договора. Таким образом, ст. 431.2 ГК РФ, обеспечивает выделения права на взыскание убытков в

случае обмана в качестве самостоятельного средства защиты. В соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 431.2 ГК РФ этот режим ответственности может применяться и в случае признания сделки недействительной по иным основаниям. Однако представляется необходимым уточнить указанное положение, а точнее ограничить. Было бы логично указать что, если договор признается недействительными и связи с чем выясняется ложность представленных заверений, то это не препятствует наступлению последствий предоставления ложных заверений. В случае заверений, не касающихся действительности сделки, признание ее недействительной должно исключать ответственность, предусмотренную ст. 431.2 ГК РФ.

Несомненно, что правом на иск о взыскании убытков в случае ложности заверений обладает исключительно добросовестная сторона договора – сторона добросовестно и разумно полагавшаяся на указанные сведения. Однако какие последствия повлечет за собой обстоятельство, свидетельствующее о том, что потерпевшая сторона знала до заключения сделки о ложности заверений и, несмотря на это заключила договор? В российском праве же подобное поведение не может трактоваться как разумное и добросовестное и, следовательно, иск в этом случае должен отклоняться. Кроме того, представляется необходимым разрешить и закрепить в ст. 431.2 ГК РФ факт о том, что проявление пострадавшей стороной стандарта должной осмотрительности и заботливости не блокирует право на иск о взыскании убытков, поскольку в этом случае не будет соблюдена цель включения специальной нормы в общий массив законодательства – снижение трансакционных издержек, ведь заверения и предоставляются для замены весьма затратного *due diligence*.

Пункт 4 ст. 431.2 ГК РФ предусмотрена ответственность за неумышленное предоставление ложных заверений, в частности, она касается осуществления предпринимательской деятельности, корпоративного договора либо договора об отчуждении акций или долей в уставном капитале акционерного общества или общества с ограниченной ответственностью, т.е. ответственность за ложные заверения наступает независимо от того, знала ли сторона, что сообщает ложную информацию. Нам представляется, что это положение вполне соответствует сущности всего гражданского законодательства. С позиций системного согласования правового материала указанное положение соответствует ст. 401 ГК РФ – предприниматель несет ответственность и при отсутствии вины, а также иным нормам, регламентирующим предпринимательскую деятельность. Хотя законодатель не забывает о диспозитивности, указывая, что стороны вправе предусмотреть иное в соглашении, но, несмотря на это, по общему правилу следует применять строгую ответственность. Предприниматели должны проверять информацию, которую предоставляют своему контрагенту, и осознавать, что эти сведения играют значительную роль в согласии другой стороны заключить договор. Кроме того этого позволить защитить интересы реципиента заверений, тем самым обеспечив устойчивость гражданскому обороту. Эти же основания справедливы для сторон корпоративного договора (ст. 67.2 ГК РФ), договора об отчуждении акций или долей. Сама специфика указанных договоров предопределяет строгость регулирования.

Однако, данную норму стоит оценить исходя из признания наличия и воздействия на правоотношения между сторонами обстоятельств, не зависящих от лица-заверителя, осуществляющего предпринимательскую деятельность. Так, некоторые обстоятельства существуют вне поля человеческого познания, например, сохранится ли цена на товар в течение определенного срока, ведь это зависит не только от знаний заверителя, но и от многих других факторов, а другие обстоятельства могут зависеть от поведения стороны, которой предоставляются заверения.

Кодификация уже де-факто существовавшего института заверений об обстоятельствах представляется необходимой в целях формирования единообразия подходов к этому явлению среди юристов. Ст. 431.2 ГК РФ иллюстрирует ситуацию, в которой законодатель творчески переработал сложившиеся на практике подходы к институту заверений и опыт более развитых правовых систем и объединил все это в одной статье, которая представляется весьма гибкой и может широко толковаться судами. Такой подход как наиболее либеральный, несомненно, пойдет на пользу деловому обороту.

Список использованной литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая : ФЗ от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 07.02.2017 № 12-ФЗ) // СЗ РФ. – 1994. – № 2. – Ст. 3301.
2. О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон от 07.05.2013 г. № 100-ФЗ // СЗ РФ. – 2013. – № 19. – Ст. 2327.
3. Карапетов А.Г. Заверения об обстоятельствах и условия о возмещении потерь в новой редакции ГК РФ / А.Г. Карапетов // Закон. – 2015. – № 6. – С. 43–56.
4. Томсинов А.В. Заверения об обстоятельствах и возмещение потерь в российском праве в сравнении с representations, warranties и indemnity в праве Англии и США / А.В. Томсинов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2015. – № 11. – С. 91–111.
5. Хохлов В.А. Юридически значимые заверения в гражданском праве России / В.А. Хохлов // Журнал российского права. – 2016. – № 2. – С. 63–71.